

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Олег АЛИФАНОВ

ТОРЖЕСТВО НЕГОДЯЕВ В РОМАНЕ «АННА КАРЕНИНА»

Толстой изображает патологических негодяев людьми правильными и довольно симпатичными. Это, конечно, не случайно.

Вот рейтинг на пиру.

Самый упоротый, вовсе никуда не годный негодяй — Левин. Будучи около 33 лет, он назойливо домогается («страдает») невинной, ненагулявшейся Кити (около 18 лет), в конечном счете женится на этом неопытном и доверчивом ангеле в период ее юных и вполне невинных терзаний, предварительно развращая ее чудовищным дневником своих адских походов. То есть негодяю мало овладеть девицей физически, он подвергает ее психологическому изнасилованию ради удовлетворения своих извращенных похотей («ну, ты знала, за кого шла, я предупреждал»). В дальнейшем злодей смеет ревновать ее не только к первому встречному (Вронский), но и ко второму (Весловский), третьему и пр. — ревновать до степени параноидальной, непристойной и оскорбительной для беременной супруги. А с какого права великовозрастному греховоднику ревновать юную и очаровательную жену? И не просто ревновать, а хамить людям, которые кратно выше и чище (то есть кратно меньшие негодяи); оскорблять их прилюдно, выгонять с позором? Кити согласилась выйти за него лишь по неопытности. Она вообще мало мужчин встречала, не так давно стала выезжать в свет (где Вронский), а этот друг брата — и ездить никуда не надо — ошивался в семье с детства: брат давно утонул, а Левин все всплывал и всплывал. Она понимает, что любит его, будучи в душевном

Олег Владимирович Алифанов родился в 1967 году в Москве. С середины 1990-х публикует в различных журналах и литературных сборниках статьи и эссе, в том числе в журнале «Нева» (2018, № 1, 7; 2019, № 8).

смятении (раз уже ему отказала, но человек он вроде неплохой... давно ошибается), которым он грубо пользуется, — ан любит ли? «Второй сорт не брак» выходит брак... В любви ветреной по праву нежного возраста девицы читатель имеет сомневаться.

Ревность Левина отвратительна еще и потому, что он обязан был предвидеть, на что идет (пример Анны перед глазами), настойчиво предлагая свое поюзанное тело и подпорченную душу в подвенечную пару существу воздушному, природно-чистому и по искренности не подлежащего суду стыда и приличий. Ее порхания законны, желание нравиться и влюблять естественны, ее же хтонический муж(ик), похитив и употребив ее молодость, обязан жертвовать хотя бы гордыней. Ан нет, Левин требует еще жертв, будто она и без того не отдала ему все. Он не останавливается и перед тем, чтобы изводить ее, уже им обрюхаченную, беспомощную, на последних днях. Ужасно догадываться, что он не раздавит ее через год-два только из черствого эгоизма — как бы не исчез объект его страсти к власти, свидетельство его победы («ну, ты знала, за какого шла»). И полбеды, если бы Левин не сознавал собственную мерзость, — нет, он анализирует это с самого начала, рационально осуждает в себе, и — прощает (спускает) себе, и — продолжает домогаться бесчестного неравного брака, используя душевную травму своего объекта, да и после женитьбы не останавливается в требованиях каких-то дополнительных прав — уже не на тело, не на душу — на самим Создателем заложенные легкомысленные жесты и затухающие искорки помыслов — чудовище требует тотальных прав на красавицу. Но сколько ни целуй — жаба не превратится в принца. Будет только хуже. Он берет ее чистоту взаймы, не собираясь отдавать. Он поцелует в ответ, и — берегись. Левин — вампир.

Скажут: да влюбился без ума в знакомую, вот и вся подноготная. Но нет — Левин поочередно думает жениться на всех девицах Щербацких по мере их подрастания: Долли, Натали и вот Кити. Сам при этом стареет и соловееет, деревенеет (то есть превращается в деревенщину). Взять молоденькую, хорошенькую, неопытную, издеваться над ней — его идефикс. Получив отказ Кити, он в деревне в уме перебирает опять-таки юных кандидаток. Левин — маньяк. «Он прежде представлял себе семью, а потом уже ту женщину, которая даст ему семью». Семью — в смысле хозяйство, где он хозяин, а она — не хозяйка, а часть его хозяйства. Женщину, да не всякую, а непременно крайне юную (себе, пожившему), необыкновенно красивую (себе, некрасивому) и совершенно невинную (себе, порочному). Так скотник подбирает лошадь на развод.

«А злодей-то не шутит, /Руки-ноги он (Кити) Мухе веревками крутит, /Зубы острые в самое сердце вонзает, /И кровь у нее выпивает. /(Кити) Муха криком кричит, /Надрывается, /А (Левин) злодей молчит, /Ухмыляется».

Понятно, что Левин — это почти сам Толстой, только петитом. И, конечно, большой Лев в нем анализирует себя психологически (а вернее сказать, психиатрически), ищет оправдания своим поступкам и своему браку: перзрелый жених вожделем двенадцатилетнюю невинность, шесть лет кругами пас ее в засаде (не как пастырь, а как козлице), грязно мечтая и попутно делая предложения другим. А уловив в сам священный миг совершеннолетия, в неделю похитил лучшие годы и нравственно употребил до венчания. Подумать только: развратник запланировал себе на конечной станции взять в жены девочку, и шесть лет планомерно продолжал писать жизнью свой дневник, и — писал для НЕЕ. Умышленно. Уму непостижимо.

В зале ожидания Левин совершенно (в смысле идеально — достиг совершенства) оскотинился.

«Жениться — это как войти в клетку к хищнику», — морализаторствовал автор. Вегетарианское козлице ворвалось в золотую клетку к котенку и схрумкало до глубины души.

Понятно, что дневник Левин будет подсовывать Кити всю жизнь. На любую ее претензию слюнявит пальцы: «Открываем страницу номер двадцать, написано же: я — негодяй. А ты знала же, за кого шла!»

«Лежа на спине, он смотрел теперь на высокое, безоблачное небо. «Разве я не знаю, что это — бесконечное пространство и что оно не круглый свод?» Левин — это Болконский v2.0, плюнувший на интрижку с Долоховым/Вронским и женившийся-таки на Наташе. Но если Болконский — это, так сказать, версия профессиональная, то Левин — облегченная, для домашнего пользования (это культурная особенность, а почему так — чуть позже).

Каренин — негодяй меньшего пошиба. Он похож на тухлый пирог, состоящий из кусков, нарезанных неравными долями, но одинаково негодных к употреблению. В принципе достаточно одного куса, чтобы отказать от еды, но автор скармливает их читателю все по очереди. Главный порок Каренина тот же, что и у Левина — красавица и чудовище: пожилой м...к женится на юнице (негодный кусок № 1). Это неравный брак для НЕГО, ибо невеста молода, хороша собой и знатна (княжна), а он староват, непривлекателен и нетитулован (этот комплексный обед формирует начинку куса № 2), но имеет капитал, чин и связи — и пользуется этими связями во всех смыслах (негодяй-кусок № 3). Подробно обрисована вишенка его благородства — он готов все простить, забыть и жить с Анной по-прежнему, *как бы* не подвергая ее и себя позору — жить в одном доме как ни в чем не бывало!! — и продолжать, если выразиться мягко, ежедневно «парить ей мозги»; это запредельное негодяйство № 4 со свежей ароматной ягодкой поверх тухлятины. На что перспективный Каренин рассчитывал, женившись в 40 лет на совсем юной девушке, привыкшей к обольщениям света, — непонятно, это не объясняется. Тут явный признак какого-то скрытого порока отношений; уже в то время на такие мезальянсы косились. Не мотивируется и сиротский выбор Анны (слово «любовь» тут уместно, так же как и «гитлер»). Типа, позвали — пошла. Чего так?

К нему можно испытывать большую гамму разнообразных чувств: презрение, ненависть, уважение (это редуцированная форма гадливости), но не сочувствие, даже не жалость (Долли называет мужа жалким, но жалеет — знает, любит). Какие общие интересы могут быть у ровесников и ровни Стивы и Долли, представить можно; не пугает и трехлетнее старшинство Анны в сравнении с Вронским. Но тут нам представляется во всей красе карнавального колпака еще и дурак, притом дурак великовозрастный, а это совсем негодное дело (крупнее только негодяй Левин). Алексей Александрович совершенно (то есть идеально) антипатичен. Его рассуждения — пустозвонство. Его ум — дурь. Труд — вред. (А чем, кстати, труп занимался до своих 40? Тут есть над чем задуматься, если Левин, например, успел до 33-х изгадиться в свинину, нагрешив полное собрание пошлых дневников.) Если на миг представить себе, что муж проиграл Анну в карты, это выглядело бы существенно респектабельнее. (Вообще-то, если бы он был истинно благородным человеком, он не проглотил бы позор, а сделал вид, что так и сделал. Увы, дурак не играет и в карты.)

Каренин глуп разносторонне, эта глупость показана подробно, со вкусом, из всех четырех измерений. Он глуп по всем трем осям: служба, семья, свет, — отовсюду торчат безобразные уши его снобизма, но всего более глупость его рельефна с течением временем. Княгиня Мягкая: «Все говорили, что он умен, умен, одна я говорила, что он глуп. Теперь, когда он связался с Лидией Ивановной и с Landau, все говорят, что он полоумный, и я бы и рада не соглашаться со всеми, но на этот раз не могу».

Среди Стив, Долли, Бетси и пр. Алексей Александрович и Анна, казалось бы, единственные не играют в пошлую, но безобидную английскую игру, однако sneering мужа Анны заходит гораздо дальше простой моды, тут подражание идет из самой глущи-

ны культурного кода. Как и английский тяжеловесный аристократ, он ни в чем не разбирается, но обо всем имеет свое суждение. Но то, что в Англии органически глупо однократно, подражание в России глупо в квадрате. Поскольку суждения аристократа основаны на поверхностном знании, он, стремясь не быть уличенным, прячется под маской иронии, это и называется «английский юмор»¹. Люди от него вешаются. В данном конкретном случае — бросаются под поезд. В романе есть характерный эпизод, когда муж Анны «поразил [вернувшегося из Китая] путешественника глубиной своего знания предмета и широтой просвещенного взгляда». Откуда дровишки? А он прошлым вечером изучил брошюру, написанную *этим самым путешественником!*

Как Стива в принципе любит всех, так Каренин не любит никого. Больше всех он измывается над своим сыном («молодой человек»), контролируя даже его *мысли* о матери. Его стиль — контроль. Он — тролль. Как все люди этого сорта, никчемность свою он скрывает за троллингом (надо бы по-русски «трунинг», а тогда это называлось *sneeg*, насмешка). «...Стал говорить своим неторопливым, всегда слышным голосом, в своем обычном шуточном тоне, подтрунивая над кем-то». Он трунит над всеми, но это полбеды. Беда в том, что он восемь лет троллит собственную половину! Не работа его, но «служебная деятельность» так же пуста, как и все прочее, это такая же насмешка над обществом. Ежегодно он в начале весны едет на воды и возвращается в середине июля. То есть без «государственного человека» совершенно спокойно можно обойтись 1/3 года. Вопросы о его «проектах», кажущихся ему «наделавшими шума», люди встречают с недоумением. В сущности, его жизнь — фоновый шум. Каренин — помеха.

Его извиняет лишь то, что в отличие от Левина и Стивы он не ведает, что творит, поэтому запросто рассуждает о букве христианского закона, примеряя ее себе на ленту.

Свое высокое положение в обществе он с лихвой компенсирует низостями семейной жизни, где он, существо физически пугливое, осуществляет юридическую власть над несчастными женой и сыном, которых такими сделал сам. Его запредельный эгоизм сравним только с левинским. Припомним ему и адский обряд, после которого он окончательно склонился ко злу и отказал Анне в ее праве на жизнь. Этот обряд непрост. Там нетитулованный сноб и осел столкнулся с титулованным — супершарлатаном Landau (он же граф Беззубов). И тролль, столкнувшись впервые в своей жизни с гипертрофированным отражением, отступил. Вот как это произошло. У Лидии Ивановны (она — кривое зеркало) собрались муж Анны, Стива и французский шарлатан. Муж в своем стиле троллит безобидного Стиву, ему вторит Лидия, тот в своем стиле уклоняется, обстановочка совсем сектантская, быстро нагнетается: «Вы знаете Санину Мари? Вы знаете ее несчастье? Она потеряла единственного ребенка. Она была в отчаянье. Ну, и что ж? Она нашла этого друга, и она благодарит Бога теперь за смерть своего ребенка. Вот счастье, которое дает вера!— О да, это очень... — сказал Степан Аркадьич, довольный тем, что будут читать и дадут ему немножко опомниться». А читать Лидия готовится мракобесную галиматью «Safe and Happy» или «Under the wing». «— Вам будет скучно, — сказала графиня Лидия Ивановна, обращаясь к Landau, — вы не знаете по-английски, но это коротко. [Неуклюжая попытка «подколоть» невежду, но не тут-то было.]— О, я пойму, — сказал с той же улыбкой [профессиональный тролль] Landau и закрыл глаза». Вот так! (Потом он заснул. Дальше происходит совсем неприличная сцена, в которой петербургский тролль признал верховенство французского. Каренин роняет честь, Стива челюсть.)

¹ «Английским юмором» поражена почти вся английская литература, как детская, так и взрослая. Не умея написать достаточно серьезную вещь, основанную на жизненной практике (реализм), писательницы (и писатели) придумывают специфический (романтический, готический или фантастический) мир, под которым вместо слонов гамадрилы. Мир трясет. Типа, от смеха.

Лидия Ивановна сама была в положении Анны (восторженная молодка выдана за муж за старого греховодника), но дальше пошли различия: муж ее бросил сразу же; и как лесбиянка со стажем, Анну она понять не в состоянии. В мужа Анны она влюбилась не как женщина в мужчину, а «любила за него самого, за его высокую непонятную душу». Дура хочет за него замуж, но специфически, «без шалостей», в сущности, хочет замуж за его торжественную дурь, иначе способствовала бы разводу Анны, а не наоборот. Отношения ЛИ и Каренина настолько порочны, что для этого нет шкалы. Они разлагающе пользуются друг друга на самом глубинном уровне. «Правда о том, что случилось с мосье Вольдемаром», про них.

Итак, муж Анны — монстр. Двадцать лет мучил себя, потом стал изводить жену, потом сына. Он — ходячий мертвец.

Казалось бы, он — косвенный убийца, а Левин нет, так почему же Левин видится мрачнее? Каренин Анну убил мгновенно (по меркам романа), а Левин будет душить Кити много лет за глухими ставнями обложки, и мы-то знаем, что если ей повезет и он умрет раньше, то ее доконает свежее, полное сил возвращенное им сонмище негодяев, визжащее, что она была его недостойна. А если не повезет, он убьет ее через несколько лет, поскольку Левин — это 1:1 будущий Позднышев.

«В Москве он так опускался, что, в самом деле, если бы пожить там долго, дошел бы, чего доброго, и до спасения души; в Петербурге же он чувствовал себя опять порядочным человеком». Итак, Стива. Облонский — негодяй меньший, самый симпатичный из мужей-негодяев, находящихся за чертой добра и зла. Время от времени одной ногой он эту черту переступает, но потом возвращается на круги (ада) своя. Вообще, вместе с невинными младенцами прописан в лимбе. Как и прочие, он рисуется с симпатией и пониманием. Его брак с Долли по возрасту самый равный из всех, а следовательно, изначально лишен одной из ключевых дисгармоний. Он изменяет жене (слегка негодяй), но делает это с женщинами. Он делает (и делает, и делает...) это не по злому расчету, а по случаю. (Пошел на охоту — добыл 15 штук дупелей и одну штуку дворовых девок.) Его жена знает об этом, но не из пошлого дневника, подsunутого ей в свадебный букет, а случайно (много раз случайно знает) и дополнительно догадывается. Его извиняет то, что женился он на симпатичной барышне и не из какого-то мегазлого расчета, хотя за Долли дали неплохое приданое. Долли характеризует мужа как «отвратительный, жалкий и милый». Это не трехкратный рекордсмен на чемпионате негодяев Левин и не призер Каренин. Из трех характеристик отвратительная только одна.

Негодяй Стива не может полноценно содержать пятерых отпрысков, используя благородную жену как гувернантку, так как содержит ружье, собаку и балерину (то есть в сумме себя). С другой стороны — сделать некрасивой уже жене еще семерых — это извиняет его во многом другом. Но на свою долю Долли жалуется: «Ты понимаешь ли, Анна, что у меня моя молодость, красота взяты кем? Им и его детьми».

Негодяй устроился по благу через другого негодяя — мужа сестры на работу не бей лежачего, он получает жалованье больше своего начальника, но почти не посещает службы (никаких служб — да и слава богу, при его-то уме и деловых качествах, так что тоже пишем в плюс). Впрочем, благодаря веселому нраву и покладистости он всегда с радостью принимаем в обществе, старательно примиряет людей и всегда ищет примириться сам («сынами Божиими нарекутся» или светски: «Блаженны миротворцы, они спасутся, — сказала Бетси (Вронскому), вспоминая что-то подобное, слышанное ею от кого-то»). Прекрасен диалог двух негодяев, когда Стива заявляется к мужу сестры умолять о ее разводе и сыне, но в первую очередь просит за себя, выправить дополнительное доходное место. В сущности, Стива говорит ему: дай все и пошел вон. Муж визжит в ответ: сами идите. Это все культурно, с заходцами.

Стива настолько аппетитен, что в прототипы его записывались, часто без достаточных оснований («калач съел»).

Зная, что Лидия Ивановна — пошлячка и дура, решающая через шарлатана судьбу (жизнь/смерть) его родной и любимой сестры, он идет к ней с мыслями сблизиться и использовать ее в целях карьеры.

Стива никого не изводит. А главная его негодность — он никого не любит по настоящему, хотя в принципе любит всех. За это имеет медаль: его тоже все любят. В принципе.

Стива — мелкий бес. Пухленький бесшабашный языческий амурчик. Мечет стрелы в дупелей.

Говорят, что Анна предала мужа, изменив ему. А муж-де прощает ее и оставляет жить под кровом ради сына Сережи и мира во всем мире. Это якобы этическое зеркало пары Долли — Стива, в которой Стива предает, а жена прощает и смиряется жить с ним ради детей. Так, да не так. Да совсем не так. Пара Стива — Долли изначально честная и равная — и по положению, и по возрасту. И предательство Стивы его положение изменяет. Он — относительно Долли — падает. Пара Анна — Каренин удручающе неравна. Выйдя за немолодого, нетитулованного Алексея Александровича из-за его положения и состояния, Анна выдала крупный кредит. Когда срок кредита вышел, выяснилось, что пошляк и мизантроп, похититель ее юности по счету платить не намерен.

Свирепость негодяев нарастает и вскрывается перезрелым прыщом на водоразделе единственной поименованной главы «Смерть». Умирает Николай Левин. Умирает долго и капризно, все ждет его смерти как облегчения.

Николай — часть другой сложной моногамии романа — родной брат Константина, купивший в публичном доме себе жену (они в гражданском браке) и не пенявшего ей (он на нее просто орет). Константин же, лицемер и крайний, ультрафиолетовый эгоист, старательно ищет малейшего повода. Это про него анекдот: «Смените номер, я измучился! Из окна видно женскую раздевалку! — Да ничего не видно... — Да? А вы на шкаф залезьте!» Без сомнения, жизнь Кити вскоре превратится в... жизнь Анны. Постылый, старый, приземленный, тупой зануда, которому она вынуждена покорно внимать («ты знала...»), — и вдруг широким оскалом Вронского вспыхнет рядом улыбка какого-нибудь кавалергарда, моложе ее года на три, а она еще так хороша... И — гудбай, Левин, прощай заунывная константа моей жизни...

Дабы Николай не выглядел чересчур розово, автор наделяет его хамством, алкоголизмом и нелогичным прошлым. Он-де в бешенстве покалечил непоименованного мальчика, избил анонимного старшину и т. п. Это все подается мельком, ибо плохо вяжется с канвой и напоминает фиксу во рту Вронского (как если бы она была). Но в целом это помогает видеть равные отношения в паре: два в прошлом многогрешных существа пытаются найти опору, служа друг другу. После смерти Николая неистовство негодяев можно ощущать почти физически. Теперь ясно — они, даже не стовариваясь, уничтожат Анну и Вронского. Так принято. Оставшись без романтического прикрытия, романтическая пара обречена — по ту сторону «Смерти».

И все же, еще одна преграда. Никак невозможно обойти вниманием пару Сергей Иванович и Варенька. Единственный из всех, писатель нашел в себе силы совладать со страстью к Варенькиной фигурке и чадолюбию и — выкурить за кустами сигарку. И — ничего. Страсть Вареньки тоже утихнет, как уже было однажды, и она останется счастлива. Атмосферой романа поведение Сергея Ивановича осуждается, отношения (вздохи-выдохи) в этой паре описываются так, что у персонажей пары, их окружающих, и, собственно, читателей текут слюни на их возможный брак — ан нет! В общем, пара равных (Варенька — существо без молодости от 19 до 30) и влюбленных остав-

ляется без награды. На самом деле симпатии автора к ним безграничны. Дарованный им приз — не свобода, а сама жизнь, ведь два других позитивных марьяжа погибают, покрытые авторскими тузами из рукава. Это иллюстративная пара, оба персонажа до предела искусственны. Само их происхождение — из пробирки. Кознышев — единоутробный брат Левиных, но о предках его сведений практически нет. Варенька — вообще дочь повара, подмененная вместо умершего ребенка мадам Шталь — во как, прямо английский романтизм. Оба призваны катализировать некоторые мысли автора. Сочетать резонеров браком он не решился — Ржевский и Наташа из разных сказок, пропадет резонанс.

А что же Анна и Вронский? Не идеальная (идеальная — это Вронский + Кити), но истинно и искренне любящая чета благородных сердец. Оба отказываются от всего и всех (почти всех, Анна страдает без сына) ради любви. Вронский вообще показан как человек, способный ради любви совершать поступки (а не совершить поступок, что каждый может). Он великолепен. Это великолепие ретушировано баснословным богатством и здоровыми, как у его лошади, зубами, однако тем и другим он умеет пользоваться широко.

Анна для него — предмет вожделения и приключение гвардейского офицера высшего разряда. Он кавалергард, куда попадали только знатные, богатые и видные, — все эти качества надо было иметь одновременно, а не по очереди. Это кровь с молоком, бычки-производители, блэк ангус аристократии. Однако когда нужно сделать выбор, он не колеблется. Бросает не ее (что галерее романических подлецов имманентно), но себя — свою карьеру, репутацию, друзей. Это не поступок — твердая поступь снисходительного иноходца.

Толстой написал эту пару авторитарно: у Анны нет достаточных мотивов выходить за Каренина, как и достаточных мотивов убивать себя. Ее ревность, боязнь потерять Вронского не вяжутся с ее апатией к своему положению. В жизни так: муж предлагает ей развод без сына, она мгновенно хватается за развод и выходит за Вронского так скоро, как только возможно. Обезопасив тылы от молодых баб и сплетен света, с новых позиций законной гранд-дамы графини Вронской (ее статус, чуть поколебавшись, восстановился бы еще в большем великолепии, а уж зависть...) она могла бы начать борьбу и за сына.

Советские, помогая Толстому мотивировать события романа, всегда почему-то особенно упирали на то, что по церковным законам в Российской империи разводы и последующие браки были крайне осложнены. О чем вы, советские? Церковная тема — это аргумент негодяя (мужа Анны, его наперсницы Лидии Ивановны и советского «литературоведа»). Церковь управлялась Синодом, глава Синода — гражданский чиновник, а всему начальник — царь. Александр I, например, признал брак проигранной в карты Разумовскому жены Голицына. О чем вы? Времена были ультралиберальные, у власти находился ловелас и женолюб Александр II, сам бывший не только в связи с Долгорукой, но имевший с ней общих детей. Впоследствии, по смерти жены законной он легализует Долгорукую и детей, что, кстати, породит грандиозный конфликт с наследником, будущим Александром III. Так что у влиятельной пары Вронских были все шансы на признание прав Анны на сына, если не полных, то возможности свиданий. Вообще после вступления Анны в брак с любимым нелюбимый Каренин автоматически, без дополнительных усилий проявился бы глупцом, лузером и гопником, мучителем сына. В романе между тем налицо юридическая коллизия: муж не дает Анне развода и при этом — лишь по навету Лидии — этот закоренелый законник запрещает матери видеть сына, то есть Анна — по-прежнему его юридическая жена — и сына видеть право имеет.

Чтобы убить *неправильную* Анну ради торжества *правильного* Левина, автор эту коллизию маскирует, то есть поначалу она упоминается, и Анна не согласна с предложенным разводом V1.0 без сына, но после, когда ее муж передумал и отказал в разводе V2.0, запрет на свидания становится противозаконным. Настоящая Анна это понимала бы, Анна-гомункул забывает и пристраивается под второй вагон (первый — Каренин). В этот момент разрушается довольно хрупкая мотивировка всей повести об Анне, женщине, разрывающейся между двумя любвями — к мужчине и сыну. Автор хочет уверить читателя, что в минуту самоубийства она полагала, что потеряла обоих, но это не так. По меньшей мере, сына в той ситуации она не теряла. (Александр II, правда, плохо кончил; и в двух покушениях со множеством смертей была замешана железная дорога, а Александр III едва не погиб при крушении, но Толстой (в смерти которого также замешана железка) ведь этого всего не знал (и про себя тоже), когда бросал под поезд Анну; так что погибла бы она уже за скобками романа (как и Александр II, как и III, как и Толстой, как и вся русская империя вслед за Николаем II пошла ко дну на одноименной железнодорожной станции).) Но доказать, что путь Левина и Кити вернее пути Вронского и Анны путем умышленного убийства второй пары — ход довольно притянутый. Выбирая из двух, всякий назначил бы себя во вторую пару (до момента посадки на «Титаник»). Ведь понятно, что пара Левин — Кити — это то же самое, только у их судна труба пониже и дым пожиже. Любовной страсти меньше, но скандалы те же, а о быт лодка бьется чаще. Левин гораздо ближе к самоубийству, чем Анна (несмотря на все пророческие сны, для нее это спонтанное решение, для него — тема), и даже прчет от себя шнурки и ружья (как это — *прятать от себя?*) — но остается жить.

Негодяи торжествуют. Две хороших пары гибнут. Автор заставляет Анну быть при смерти после родов, а Вронского после попытки самоубийства, а после добывает ее и почти — его (можно догадаться, что едет Вронский на войну, быть убитым). Некоторые подводят под этот сюжетный ход сложное обоснование, мол, незаконный брак ведет к духовной гибели, и для дураков автор проиллюстрировал эту гибель физической смертью. Но это сомнительно. А без сомнений лишь то, что роман на этом не кончается. Негодяи продолжают пир. Еще 20 глав. Как если бы Холмс (взломщик, кокаинист...) упал в водопад в обнимку с Мориарти (клейма негде ставить), а потом была свадьба... Лестрейда, Майкрофт получил бы орден по выслуге лет... А что? Правильные же, честные люди...

Но разве обе погибшие пары несчастны по-разному?

Нельзя с удивлением не заметить, что негодяи романа находятся в законных браках, «годяи» же все вне формальных отношений. Для Толстого это вопрос не праздный, в самом институте брака ему видится системный изъян, парадокс, и тема эта не отпускает его до «Крейцеровой сонаты».

А насколько опасен английский юмор, скажу отдельно. Для англичан — это прежде всего защита от серьезной французской культуры и инструмент влияния на остальные нации. Обратите внимание, «Война и мир» описывает нам привычный высокоранговый французский культурный мир, который не подкосила даже война. У высокой культуры все всерьез, все взаправду. Там кривляющегося Стиву назначили бы вслед за Landau в 17-й номер Обуховской. Там трунящий Каренин невозможен как Керенский. Одному такому каренину-лайт, трунящему над несчастным Маком (зараза союзников уже пустила корешки), Болконский устраивает разнос по первое число. А мир, отстоящий от войны на полвека, под завязку набит клоунскими колпаками дурацких кличек, насмешливых речей и стеба — это мир английского юмора, культуры машинной, низовой. Пока подхихикивают Бетси и Кити — это полбеды, но когда ряся напяливают Каренины — беда похуже 1812-го.

Если сорвать французские маски с александровского высшего света, под ними обнаружатся русские рожи, говорящие на родном языке с ошибками, но если снять британскую кисею с Каренина, под ней будет пустота. Английский кислотный юмор выжигает самого насмешника.

Увы, не только. Позитивные пары — они из настоящего цельного прошлого — неуклонно стираются кислотным дождем настоящего. Жертвы войны миров.

Французы доминировали в сфере высокой культуры безраздельно, это был один из козырей их экспансии. Скажут, что в живописи царили итальянцы, в музыке немцы — все так; но целокупно... При этом французская культура была довольно снисходительна: покрывая мир куполом, она позволяла процветать под ним другим культурам, как в оранжерее. И тут случился казус: после века войн и революций Франция лидерство сдала. Англичане обогнали французов во всех сферах. Во всех, да, к своей досаде, не в главной. Остались литература, живопись, музыка, даже дипломатия и кулинария. Остались манеры, стиль, язык, мировоззрение. Это не Трафальгар — просто так затоптать эти цветы было невозможно — они росли уже сами². И тут на помощь пришел пресловутый английский юмор. Англичане с помощью стеба и ерничанья, взвизгов и на гы-гы принялись понижать не уровень культуры, а само отношение к высокой культуре — сначала в среде снобов, а после и в аристократическом слое. То есть пресловутый снобизм возник не просто так, а в процессе направленного культивирования, где происходила подмена высокой культуры пренебрежением к ней. Снобизм, поначалу презренный, возвели в разряд манер, допустимых в высшем обществе.

Изначально снобами назывались лица неблагородного происхождения, стремившиеся походить на благородных образом жизни, ибо деньги сие позволяли. Но снобы являлись благодатной почвой для социальных экспериментов, и в процессе игры на понижение снобами стали называть поверхностно образованных в культурной сфере людей, способных рассуждать на любую тему (пренебрежительно и с «юмором», конечно). Дальше — меньше. Игра на понижение породила футбол, битлов, однополые разводы. Толстой прекрасно чувствовал ненатуральность «прогресса» нисходящих субкультур, называя устами Долли lawn-tennis странной игрой, когда взрослые одни, без детей, играют в детскую игру. Муж Анны, напротив, выводится защитником английского спорта. Каренины у снобов полной ложкой зачерпнули вакуум, и нет ничего удивительного, что после Каренина и Левина явились Керенский и Ленин. Толстой пишет культурный приговор русскому обществу. Воцарение в романе хихикающих попугаев приведет вскоре к негодяеву царству.

² Статус великой державы условно-досрочно Франции на Венском конгрессе вернули. Причем вернули не государства, а люди. Таким образом, Франция стала единственной в истории великой державой, признанной не другими державами, а людьми. А то получалось как-то неловко: сидят четверо, делят пятого. При этом говорят на его языке, едят его еду, одеваются по его моде, ходят в его театры, пляшут его танцы, читают его книги, рассуждают о его философии, используют его дипломатию. Все это как бы подспудно... Ну, и здесь пусть будет в сноске.